

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

1986

*К восьмидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

Г. Ф. Благова

О ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ТИМУРИДСКОМ МАВЕРАННАХРЕ

(РУБЕЖ XV—XVI ВВ.)

К настоящему времени тюркология располагает немалым количеством описаний тюркоязычных литературных памятников и их языка и в их числе таким образцовым (с публикацией текста и перевода, с историческим и текстологическим комментариями, указателями), как книга о «Родословной туркмен» А. Н. Кононова.¹ Стремительное развитие языкознания требует от тюркологов аналитического осмысления проделанной работы в области истории тюркских литературных языков в соответствии с новыми задачами. Современной теорией литературных языков в качестве первоочередной задачи выдвигается изучение языкового состояния, отношений между компонентами состояния — «стратами», т. е. выявление функциональной парадигмы языка. Именно от описания и анализа функциональной стратификации языка ожидается освещение истинного положения литературного языка среди других форм языка, как и взаимодействия первого с этими последними; на этой же основе в перспективе — решение задач последующего типологического изучения литературных языков и их истории: установление типов языковых ситуаций, построение типологии функциональных парадигм.²

Проблема реконструкции функциональной парадигмы языка в истории тюркских языков к настоящему времени ставилась только на материале древнеуйгурского языка.³ Предпринимаемое ниже изучение языкового состояния тимуридского Мавераннахра в названном аспекте затруднено следующими факторами: а) особой сложностью переплетения и взаимодействия языковой ситуации с функциональной парадигмой языка, обусловивших развитие специфических внутривидовых процессов; б) гипотетичностью некоторых функциональных страт; в) недоступностью для исследователя многих деталей в соотношениях разных страт и в их структурных характеристиках. Поэтому в данной статье предпринята попытка реконструировать функциональную парадигму языка в контексте всей языковой ситуации тимуридского Мавераннахра.

Поиск необходимого материала для такой реконструкции велся путем привлечения к анализу как прямых, так и косвенных лингвистических данных. Это, во-первых, круг текстов, происходящих из Мавераннахра и датируемых рубежом XV—XVI вв.; при этом мы опирались на прежде осуществленную нами ареально-историческую интерпретацию языковых показаний этих текстов.⁴ Во-вторых, это свидетельства авторов изучаемого периода о языковой ситуации в тимуридском Мавераннахре. В-третьих, это внеязыковые данные — сведения об исторической и культурно-исторической ситуации в тимуридском Мавераннахре.

При ближайшем рассмотрении свидетельств современников обнаружилась примечательная особенность. О тюркско-иранских контактах говорится с полной определенностью, например, у Навои.⁵ Что же касается самих тюркских языков и диалектов, то здесь чаще всего мы располагаем лишь довольно глухими известиями. Бабур, например, не раз упоминает «оседлые и кочевые племена, живущие в горах и степях к востоку и югу от Андижана»,⁶ но ничего не сообщает об их языке. Столь же отвлеченно Навои пишет о языковых различиях в тимуридских владениях: «В каждом селении люди говорят по-своему, у них есть свои обороты речи и выражения, которых нет у других» (Н 10, с. 108).

Путем анализа вышеназванных источников нами были вычленены следующие компоненты языкового состояния в тимуридском Мавераннахре.

1. Тюркские диалекты карлукского типа («чагатайские», по классификации Е. Д. Поливанова). Носители этих диалектов, в большинстве своем оседлые (частично полuosедлые), являлись основным населением Мавераннахра. Известное высказывание Бабура, вычленившего тюркский язык населения Андижана (см. ниже, с. 48—49), может быть истолковано как косвенное свидетельство в пользу существования других карлукских говоров, противопоставляемых андижанскому.

Впоследствии карлукские говоры Мавераннахра явились той основой, на которой развился современный среднеузбекский (по А. К. Боровкову, или карлуко-чигиле-уйгурский, по В. В. Рещетову) диалект;⁷ они близкородственны и диалектам, давшим жизнь новоуйгурскому языку.

Карлукским диалектам присущи следующие дифференцирующие признаки (далее — ДП) склонения: для основ как на согласный, так и на гласный — род. *-нинг*, вин. *-ни*, дат. *-га/-ка*; для местоимений 1-го лица ед. числа — род. *-(ни)нинг*, 1-го лица мн. числа *-нинг*; для имен с аффиксом принадлежности 3-го лица в дат., местн., исх. падежах не характерно наличие «вставного» *-н*; противопоставления именной и посессивно-именной парадигм нет. В области глагола употребительны причастие и прошедшее время на *-ган/-кан*; 1-е лицо ед. числа прошедшего на *-ган* и настоящего—будущего на *-ар/-ур* имеет показатель *-мән/-мен*; при аналитическом глаголообразовании в качестве вспомогательных используются глаголы *бол-* 'становиться' и *қил-* || *эт-* 'делать'.

Из послелогов специфичны *би(р)лә* 'с, вместе с', *дек* 'как, подобно'.

2. Тюркские диалекты огузского типа, локализовавшиеся на землях современной Туркмении и Хорезма, с одной стороны, Северо-Восточного Ирана и Западного Афганистана — с другой, и на прилегавших к ним территориях.

Впоследствии огузские диалекты этих земель легли в основу современного туркменского и хорасанотюркского⁸ языков, а говоры Хорезма и Восточной Туркмении — также и в основу огузского диалекта узбекского языка.

Политическая жизнь Мавераннахра с конца XI в. связана с огузами: с 1089 г. эти земли находились в двойной вассальной зависимости — от караханидов и сельджукидов; после гибели Сельджукидского государства в 1153 г. большую роль в Средней Азии начинает играть государство Хорезмшахов, подчинившее своему влиянию кочевых кыпчаков и туркмен. Любопытно, что среди упоминаемых Навои и Бабуром этнонимов достаточно частотным является *туркман*.⁹

Огузским диалектам присущи следующие ДП склонения: для основ на согласный — род. *-инг/-ин*, вин. *-и*, дат. *-а*, для основ на гласный — род. *-нинг/-нин*, вин. *-ни/-йи*, дат. *-а/-йа*, для местоимений 1-го лица ед. и мн. числа — род. *-им* (*-им/-инг* для 1-го лица мн. числа); для имен с аффиксом принадлежности 3-го лица в дат., местн., исх. падежах обязательен «вставной» *-н*; налицо противопоставление именной и посессивно-именной парадигм. В области глагола употребительны причастие и спрягаемая форма прошедшего времени на *-миш*; 1-е лицо ед. числа прошедшего на *-миш* и настоящего-будущего на *-ар/-ур* имеет показатель *-йм* || *-ын*; при аналитическом глаголообразовании в качестве вспомогательных используются глаголы *ол* — 'становиться', *айла* || *эт* — 'делать'. Из послелогов специфичны *илә* || *билен* 'с, вместе с', *киби/кимин* 'как; подобно'.

Вряд ли возможно думать, что контакты огузов-туркмен и носителей диалектов карлукского типа ограничивались только политической сферой и не распространялись на язык. В тимуридской державе издавна (еще при сельджукидах) развивались контакты между Хорасаном (Северо-Восточным Ираном и Западным Афганистаном) и Мавераннахром. Как писал А. Я. Якубовский, Хорасан «в средние века экономически, политически и культурно больше был связан со Средней Азией, чем с Персией».¹⁰ При анализе современного диалектного материала, в том числе и зарегистрированного Г. Дёрфером в Северо-Восточном Иране, удалось установить следы контактирования средневековых диалектов — восточноогузских в Хорасане и «чагатайских» в Мавераннахре. Из ДП склонения — это восточноогузский дат. падеж *-йа* в узбекских говорах Шахрисабза, Верхней и Нижней Кашкадарьи, Карши и Касана, Карнаба, Джизака, Ниязбаша и селений Ташкентской области, Намангана, Андижана и Коканда, с одной стороны, а с другой — карлукские — местн. падеж *-да* и дат. падеж *-йа*

без «вставного» *-н-* после аффикса принадлежности 3-го лица в некоторых восточногузских говорах Северо-Восточного Ирана.¹¹ Названные карлукские формы могут быть сопряжены в Северо-Восточном Иране с зарегистрированным там топонимом *Чоғатай*, в котором запечатлелось присутствие чагатайской администрации, чагатайского войска в средневековом Хорасане.¹²

3. Тюркские диалекты кыпчакского типа, носители которых вели кочевой (в отдельных пограничных районах — полуседлый) образ жизни на бескрайних просторах Дешт-и Кыпчака, с севера и северо-запада граничившего с оазисами Мавераннахра.

Впоследствии кыпчакские диалекты этих земель легли в основу как современных казахского, каракалпакского и других языков, так и кыпчакского диалекта современного узбекского языка.

Начиная с конца XII в. кыпчаки играют все более заметную роль в государстве Хорезмшахов; впоследствии они оказывают влияние на политическую жизнь Средней Азии, в частности, «вооруженная борьба между кочевыми узбеками и тимуридами за Хорезм на всем протяжении XV и в начале XVI в. составляла одну из важных сторон политических взаимоотношений кочевых узбеков с тимуридами».¹³ С 20-х годов XV в. кочевые узбеки-кыпчаки стали делать набеги на Самаркандскую область, Бухару и Ташкент, а позже — также в сторону Ферганского удела тимуридов. Вес узбеков-кыпчаков в политической жизни тимуридского Мавераннахра непрерывно возрастает: в своих феодальных междоусобицах тимуридские властители все чаще обращаются к помощи кочевников, фактически открывая им доступ в страну. Благодаря этому узбеки-кыпчаки все шире внедряются в Мавераннахр. Так, узбекские царевичи Шейбани-хан и другие со своими отрядами практически жили в Мавераннахре, неся службу у тимуридских удельных правителей. По сведениям источников, некоторые кыпчакские кочевые племена были расселены в Мавераннахре задолго до походов Шейбани-хана и именно там вошли в состав завоевателей.¹⁴ Вместе с тем развивался торговый обмен между кочевниками Дешт-и Кыпчака и оседлым населением Мавераннахра.¹⁵ В условиях интенсивной миграции узбеков-кыпчаков языковые контакты оседлого населения с кочевыми племенами приобретали жизненную активность.

Кыпчакским диалектам свойственны следующие ДП склонения: для основ как на согласный, так и на гласный — род. *-нин/ -нинг*, вин. *-ни* (с варьированием *н- ~ ѓ- ~ т-* в анлауте показателей обеих падежей), дат. *-га/-ка*; для имен с аффиксом принадлежности 3-го лица в дат., местн., исх. падежах обязательен «вставной» *-н-*, притом дат. падеж имеет здесь показатель *-а*, как и при аффиксах принадлежности 1-го и 2-го лица ед. числа; вин. падеж, сочетаясь с аффиксом 3-го лица, дает морфемосочетание *-и-н*; налицо наиболее разветвленное противопоставление именной и посессивно-именной парадигм. Род. падеж местоимений 1-го и

2-го лица мн. числа *-инг* || *-динг*. Вспомогательные глаголы *бол-*, *эт-*; послелог *мен* || *менен* 'с, вместе'.

Проведенное нами картографирование ДП тюркского склонения в Самаркандской области и на юго-западе Узбекистана оказалось знаменательным для установления фактов интенсивного языкового контактирования носителей диалектов, из которых для одних свойственно склонение карлукского, для других — кыпчакского типов. Наложение построенных при этом картосхем показало, что изоглоссы ДП склонения карлукского и кыпчакского типов причудливо переплетаются на изучаемых территориях, где прежние оазисы Мавераннахра соприкасались с кочевыми степями кыпчаков и их полукочевыми поселениями.¹⁶ Сам характер взаимовнедрения изоглосс ДП двух типов может свидетельствовать о том, что языковое контактирование оседлого населения Мавераннахра и кыпчаков имеет большую хронологическую глубину.

4. Диалекты и р а н о я з ы ч н о г о и прежде всего таджикского населения, которое большими группами проживало в Мавераннахре (особенно в городах) рядом с тюркоязычным населением, продолжая сохранять свой язык и этнические особенности.¹⁷ Такое тесное соседство разноязычного населения способствовало возникновению двуязычия и, следовательно, не могло не иметь далеко идущих последствий в сфере как обиходно-разговорной речи, так и литературного языка. По поводу этого Алишер Навои писал в «Споре двух языков», имея в виду тюрков и представителей ираноязычных народов, по современной ему терминологии, «сартов»: «Эти два племени во всех своих поколениях сильно перемешаны друг с другом. И между тем и другим народом наблюдается смешение и общение, а разговор между ними и понимание ими друг друга беспрепятственны. . . Все тюрки — от мала до велика, от слуг до беков — понимают сартский язык. Они его знают настолько, что в затруднительном положении могут объясниться по-сартски, а некоторые из них даже могут говорить на этом языке красноречиво и изящно» (Н 10, с. 110).

О характере языкового взаимодействия тюркоязычного и ираноязычного населения Мавераннахра можно судить по его результатам. Достаточно сказать, что Е. Д. Поливанов, предлагая свою классификацию узбекских диалектов, принимал за классификационный признак степень «иранизации» («гибридизации») этих диалектов и соответственно вычленил «иранизованные» и «неиранизованные» узбекские говоры.¹⁸ В литературе отмечаются также факты воздействия узбекского языка и его диалектов на таджикские диалекты.¹⁹

5. П и с ь м е н н ы й язык, на характере которого заметно сказалось царившее в тимуридском Мавераннахре многоязычие и обусловленное им глубинное языковое взаимодействие.

А. Центральная часть — язык художественной литературы. Значительнейшая часть художественной литературы как поэтических, так и прозаических жанров в изучаемый период была напи-

сана на книжно-письменном языке XV—начала XVI в. — чагатайском, который современниками именовался *тюркӣ* (*чагатай тюркӣ*). Являясь наддиалектным и надтерриториальным по самой своей сути, чагатайский язык имел, например, базисную микро-систему склонения карлукского типа, но ему не были чужды также разнодиалектные формы как в склонении, так и в других частях грамматической системы.

Вместе с тем в Мавераннахре продолжала развиваться литература также на персидском (фарси) и частично на арабском языках. Передкими были случаи использования одним поэтом и чагатайского, и персидского в качестве языка литературы. Когда Навои писал, что «тюркские поэты на языке фарси пишут красочные стихи и замечательные речи» (Н 10, с. 110), он имел в виду и самого себя, и своих старших и младших современников. В большом литературном наследии Навои есть поэтический сборник на персидском языке, о чем Бабур сообщает так: «Персидский диван он (Навои. — Г. Б.) тоже составил; в персидских стихах он употреблял тахаллус Фани. Некоторые стихи там недурны, но в большинстве они слабы и стоят низко» (БН Т, с. 198). Из сочинений младшего современника и ученика Навои гератского поэта Камал-эддина Беннаи сохранилось небольшое число стихотворений на чагатайском языке, другая их часть и история Шейбанихана выполнены на фарси. Сам Шейбанихан писал как тюркские, так и персидские стихи. Мухаммед Салих оставил стихотворное наследие не только на тюркӣ, но также на фарси (газели). Мавляна Билал хорошо слагал тюркские и персидские стихи. Из окружения тимурида Султана Хусейна мирзы, при дворе которого жил и творил Навои, на фарси Мир Атауллах Мешхеда написал «Трактат о рифме», Сейфи Бухари — труд о стихосложении, Кази Ихтиар — «Рассуждение о фикхе» (БН Т, с. 207, 209). Эта традиция «поэтической диглоссии» была жива еще и в XIX в. Так, поэтическое наследие Агахи включает в себя газели, касыды, месневи и пр. на тюркӣ и на фарси, собранные в сборник «Талисман влюбленных».

Б. Канцелярский письменный язык. В канцеляриях тимуридских удельных государей документация чаще всего велась на персидском языке, и эта традиция сохранялась в различных узбекских ханствах очень долго, почти до самой Октябрьской революции. В этих условиях, естественно, язык вакуфных документов, например, содержал много тюркизмов.

Вместе с тем в отдельных тимуридских уделах, в том числе в Андижане, в канцелярии отца Бабура — Султана Омар Шейха — во второй половине XV в. документы составлялись на чагатайском языке, причем для этих целей применялась уйгурская графика: об этом свидетельствует найденный и опубликованный П. М. Мелиоранским документ уйгурского письма Султана Омар Шейха (1469 г.).²⁰ (Устная форма делового языка, которая использовалась для общения феодалов (тюрков и иранцев) с тюркоязычной ра'ией и могла быть закреплена в обычном праве, пока ре-

конструкции не поддается. Можно лишь предполагать, что здесь использовалась диалектная речь и что на эту сферу общения также распространялось тюркско-иранское двуязычие).

В. Язык религии. Таковым повсюду на мусульманском Востоке был арабский язык. В школах, особенно начальных, этому языку обучали «слепым методом» — заучиванием текстов молитв на слух, благодаря чему широко внедрялась соответствующая арабская лексика, языковые клише религиозного содержания. По причине того, что в культуре средневековья, как известно, определяющую роль играло религиозно-дидактическое направление (Ф. Энгельс особо подчеркивал «верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности»²¹), арабский являлся также языком науки. В силу этого арабский язык в Мавераннахре, как и на всем мусульманском Востоке в средние века, обладал большим общественным весом. Ученые, деятели культуры, а также некоторые государственные деятели Мавераннахра владели арабским языком; среди везирей тимурида Султана Хусейн Мирзы Бабур называет Мир Атауллаха Мешхеда, который «хорошо знал арабскую словесность» (БН Т, с. 207).

Надо полагать, однако, что устная проповедь в мечети производилась по-тюркски. Об этом косвенно может свидетельствовать самый факт существования в Средней Азии тюркоязычной богословской литературы, в том числе тюркский переводный тефсир XII—XIII вв. (подстрочные переводы арабского коранического текста, снабженные соответствующими толкованиями²²), «Кысас ал-анбийя» Рабгузи, сочинение XV в. «Равнак ул-ислам» и др.

Как видим, функциональная парадигма языка тимуридского Мавераннахра, население которого было разноязычным и многодиалектным, могла восполняться за счет иносистемных языков: в сфере письменного общения это были арабский и персидский языки, в сфере устного — таджикский. Такое глубинное взаимопроникновение языковой ситуации и функциональной парадигмы языка стимулировало внутривидовые процессы, в том числе, например, аналитическое глаголообразование в литературном — чагатайском — языке (и, по всей вероятности, в диалектной речи).

Как явствует из вышеизложенного, чагатайский был литературным языком, имеющим весьма сложные взаимоотношения с остальными формами языкового состояния в тимуридском Мавераннахре. Место чагатайского языка среди прочих форм языкового состояния, характер его развития нельзя установить без учета его взаимодействия с этими последними.

В части своей базисной системы чагатайский язык ориентировался на «некий общий, наддиалектный язык, стоявший ближе всего к диалектам Ферганы, но безусловно отличавшийся от любого из них»²³ (в принятой терминологии — карлукские диалекты Мавераннахра). Бабур особо подчеркивал при этом роль андижанского говора. Отмечая, что в Андижане, «в городе и на городском базаре», говорят по-тюркски, он писал: «Речь населения Андижана согласна (*раст дур*) с письмом, в силу чего сочинения Мир Али-

пера Навои, хотя он вырос и воспитывался в Герате, [писаны] на этом языке» (BN 1905, л. 26).

Воздействие огузских диалектов сказалось в наличии значительного слоя так называемых «огузско-туркменских» элементов в морфологии и лексике чагатайского языка, в первую очередь — в языке поэтических сочинений.²⁴ В числе этих элементов — причастие и спрягаемая форма прошедшего времени на *-миш*; показатель 1-го лица ед. числа *-ām/-ам* для прошедшего времени на *-миш* и настоящего-будущего на *-ар/-ур*; род. падеж на *-им* местоимений 1-го лица (*мāн-им* 'мой', *биз-им* 'наш') и дат. падеж на *-а* (*биз-ā* 'нам'); вспомогательные глаголы *ол-* 'становиться', *айла-* 'делать'; послелогои *илā* 'с', *киби* 'как'.

О влиянии кыпчакских диалектов на чагатайский язык в области фонетики писал А. Н. Самойлович,²⁵ морфологии и лексики — Х. Д. Данияров.²⁶ В поэтическом языке часто встречаются огузско-кыпчакские формы склонения (мы так называем их из-за невозможности системно подразделить эти разрозненные по разным текстам формы, в которых совпали отдельные ДП склонения как огузского, так и кыпчакского типов), а именно: «вставной» *-н* в составе дат., местн., исх. падежей имен с аффиксами принадлежности 3-го лица; дат. *-а* для имен с аффиксами принадлежности 1-го и 2-го лица ед. числа, 3-го лица ед. и мн. числа.

К фактам, касающимся взаимодействий чагатайского с другими формами языкового состояния тимуридского Мавераннахра, относится аффикс *-(y)в* в составе кыпчакизмов. Имеется в виду использование слов с этим аффиксом (возможно, в целях ритмической организации стиха) в панегирической поэме «Шейбани-наме» Мухаммеда Салиха — поэта круга Навои, впоследствии ставшего придворным поэтом предводителя войск узбеков-кыпчаков Шейбани-хана. Как видим, повышенный процент кыпчакизмов оправдан здесь социальным предназначением поэмы. Следовательно, на основании этого факта вряд ли корректно видеть в *-(y)в* «один из продуктивных аффиксов» литературного языка начиная с XVI в., тем более что этим утверждением предполагается своего рода скачок во внутреннем развитии словообразовательной системы языка: «... если во времена Алишера Навои (т. е. в XV в. — Г. Б.) афф. *-(y)в* встречался лишь в составе застывших слов, то во времена Мухаммеда Салиха, т. е. начиная с XVI в., в староузбекском литературном языке он — один из продуктивных аффиксов».²⁷

Интенсивное воздействие на чагатайский язык исходило, как можно предполагать, с одной стороны, от иранских и прежде всего таджикских диалектов (устным путем), а с другой — от литературного фарси (книжно-письменным путем); исследование такого воздействия на чагатайский язык дифференцированно в отношении источников — устных и письменных — могло бы составить самостоятельную тему. Воздействие арабского — языка религии и науки — было весьма значительным, поскольку оно осуществлялось как непосредственно, так и опосредованно —

через иранские диалекты и фарси, также насыщенные арабизмами.

Результатом этих воздействий явилось то, что лексикон Навои, например, более чем на две трети состоит из арабских и иранских заимствований,²⁸ а в работах, посвященных описанию языка великого поэта и его современников, большое место уделяется исследованию арабских, персидских и таджикских элементов в морфологии и синтаксисе, калькирования в аналитическом словообразовании.

Взаимодействие канцелярского письменного языка и чагатайского языка может быть показано при лингвистическом сопоставлении документа Султана Омар Шейха и прозы «Бабур-наме», языковую близость которых первым заметил П. М. Мелиоранский. В самом деле, мемуарно-дневниковый характер «Бабур-наме» обуславливает известную стилистическую близость прозы, с одной стороны, и деловых документов — с другой: точность и строгость выражения, отсутствие словесного украшения, использование специфической фигуры умолчания об истинном действующем лице (безлично-страдательный глагол с винительным падежом объекта). Налицо и материальное тождество грамматических единиц, а именно совпадение всех ДП склонения карлукского типа в обоих текстах, причастие на *-ган*, прошедшее на *-(и)п эрди*, послелог *билä* и др.

Положение чагатайского языка в функциональной парадигме языка усложнялось также за счет взаимодействия с книжно-письменной традицией,²⁹ с региональными литературными языками прошлого (у Навои имеется, например, упоминание о хорезмийско-тюркском языке — *хоразмийча тўркий тил*). Жизнеспособные элементы книжно-письменной традиции (по Э. Р. Тенишеву, — традиционной огузо-уйгурской основы) находили поддержку во влиянии средневековых огузских (прошедшее время на *-миш*), а отчасти и кыпчакских диалектов (совпадающие ДП склонения огузского и кыпчакского типов).

Изложенное выше показывает, насколько важно как при описании языка литературных памятников, так и особенно в аналитических работах по истории тюркских литературных языков четко разграничивать, с одной стороны, факты, относящиеся к внутренней системе языка, а с другой — явления, вызванные взаимодействием с тем или иным из компонентов соответствующего языкового состояния; учитывать, как на развитие языка может оказывать воздействие языковая ситуация. Без учета места чагатайского как языка литературного среди других языковых форм в изучаемый период, характера его взаимодействий с этими формами неминуемы смещение акцентов и неадекватная оценка перспективы развития литературного языка, когда выбор морфологических или лексических вариантов из состава других языковых форм (что чаще всего обусловлено языковой ситуацией) принимается за некую эволюционную тенденцию языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.; Л., 1958.

² Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976, с. 3, 205 и сл.; Типы наддиалектных форм языка. М., 1981, с. 307. Настоящая статья написана по схеме, предложенной в статье: Семенов Н. Н. О реконструкции функциональных парадигм языка в истории немецкого языка. — В кн.: Функциональная стратификация языка. М., 1985.

³ Тенишев Э. Р. Функциональная парадигма древнеуйгурского языка. — Там же.

⁴ Благова Г. Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. М., 1982, с. 183—226.

⁵ Алишер Навои. Возлюбленный сердец. Суждение о двух языках. — Алишер Навои. Сочинения. Ташкент, 1970, т. 10 (далее в тексте — Н 10), с. 110.

⁶ Бабур-наме. Ташкент, 1958 (далее в тексте — БН Т), с. 122, см. также с. 44, 77.

⁷ Решетов В. В., Шоабдураҳманов Ш. Ўзбек. диалектологияси. Ташкент, 1962, с. 78, 79.

⁸ Описание этого последнего см.: Doerfer G. Das Chorosantürkische. — In: Türk dili araştırmaları yıllığı. Belleten. 1977. Ankara, 1978, S. 127—204.

⁹ Насыров И. Лексика «Маджлис ан-нафис» Алишера Навои. Дис. . . . канд. филол. наук. Ташкент, 1980, с. 148; БН Т, с. 204, 485, 490, 492, 495, 497, 500, 502, 506, 510—512.

¹⁰ История народов Узбекистана. Ташкент, 1950, т. 1, с. 14.

¹¹ См. об этом подробнее: Благова Г. Ф. 1) Тюркское склонение в ареально-историческом освещении, с. 68—73; 2) Языковое контактирование в тимуридских государствах по данным ареального исследования. — СТ, 1984, № 3, с. 16—26.

¹² Doerfer G. Das Chorosantürkische, S. 203.

¹³ Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М., 1965, с. 151.

¹⁴ Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976, с. 210.

¹⁵ Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков, с. 148, 150—151, а также с. 75 и сл.

¹⁶ Благова Г. Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении, с. 77—85, картосхемы 2 и 3.

¹⁷ История народов Узбекистана. Ташкент, 1947, т. 2, с. 49.

¹⁸ См.: Поливанов Е. Д. 1) Образцы не-сингармонистических (иранизованных) говоров узбекского типа. I—II. — ДАН СССР. Сер. В. 1928; 2) Образцы не-иранизованных (сингармонистических) говоров узбекского языка. I—II. — Изв. АН СССР. Отд. гуманитарных наук. 1929.

¹⁹ Расторгуева В. С. Об устойчивости морфологической системы языка (по материалам северных таджикских говоров). — В кн.: Вопросы теории и истории языка. М., 1952, с. 225—236.

²⁰ Мелиоранский П. М. Документ уйгурского письма Султана Омар-Шейха. — ЗВРАО, СПб., 1905, т. XVI, вып. 1.

²¹ Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 360.

²² Боровков А. К. Лексика среднеазиатского тefsира XII—XIII вв. М., 1963.

²³ Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка. М.; Л., 1962, с. 222—223.

²⁴ Самойлович А. Н. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. IV. Чагатайский поэт XV в. Атаи. — ЗКВ, 1927, т. 2, вып. 2, с. 262 и сл.; Благова Г. Ф. О характере так называемого «чагатайского» языка конца XV в. — В кн.: Тюрко-монгольское языковедение и фольклористика. М., 1960.

²⁵ *Самойлович А. Н.* Элементы диалекта «джокчи» в литературном чагатайском языке. — Научная мысль. Вып. 1. Самарканд; Ташкент, 1930, № 1, с. 11—14; см. также: *Жирмунский В. М.* О некоторых вопросах лингвистической географии тюркских диалектов. — Тюркологический сборник. К 60-летию А. Н. Кононова. М., 1966, с. 60—61.

²⁶ *Данияров Х. Д.* Опыт изучения джекающих (кыпчакских) диалектов в сравнении с узбекским литературным языком. Ташкент, 1975, с. 33—63.

²⁷ Там же, с. 55.

²⁸ В «Толковом словаре языка произведений Алишера Навои» такое огромное количество фарсизмов и арабизмов, что составители отказались от языковых помет; лишь редкие страницы заняты полностью или хотя бы почти полностью тюркскими словами (см.: Алишер Навоий асарлари тилининг изоҳли луғат. Тошкент, 1983, т. I — на с. 184—349 и 549—604 это только лишь с. 294, 297, 299, 319—327, 348).

²⁹ *Тенишев Э. Р.* Языки древне- и среднетюркских письменных памятников в функциональном аспекте. — ВЯ, 1979, № 2.